

Автор рассказа не является расистом и не хочет, чтобы это произведение рассматривалось, как повод для межнациональной розни!

Юрий Некрасов

Кожа цвета измены

*To Stephen King,
Master*

– Не было столько черномазых в Касл-Роке, сроду не бывало! Чего зря таить, белому человеку завсегда противно рядом с собой ниггера терпеть, – старик шумно высморкался и смачно сплюнул. – Веревку бы потолще да сук попрочнее, глядишь, и была бы старая-добрая Америка белее простыни под девственницей!

Должно быть, так я выгляжу сейчас со стороны – дряхлый старик с прямыми морщинами маразма поперек лба и густой слюной цвета чая и табака. Мне едва ли шестьдесят, и ночь добавляет лет в мой мысленный автопортрет. Я разговариваю сам с собой, потому что... Страх кусает мне губы. В ширинке тепло, но еще не мокро, до туалета целых две комнаты и шагов пять по коридору, и я сижу, вместо того, чтобы отлить прямо в угол, говорю, шепчу чего-то упрямо, безумно боясь услышать посторонний шорох, скрип половиц, двери, лестницы. Шум, с которым они входят в дом...

– Тьма вокруг, как в желудке у ниггера. Чего это я заладил, ниггеры, ниггеры? Никогда мне дела не было, какая у парня кожа, и сейчас нету!

Это я хорохорюсь! В словах силы нет, быть может, поэтому я уже не помню, когда последний раз сидел за печатную машинку?

Страшно ноет нога, наверное, стер ее о деревяшку, но пальцам даже сейчас отвратительно лезть в штанину и трогать ТО место. Тем более что пальцев самих не хватает.

– Проклятье! – шепот сух, как песок, он застрекает между зубами и царапает глотку. – Я так... Мне так...

За отчаянием прячутся слезы. Я кусаю себя за самые кончики пальцев – так почти не больно – и сжимаю ногти зубами, давлю их, но это не помогает.

– Почему опять я?! Ну, разве мне было мало ЕЕ?! Почему, Боже, зачем снова я?!

За окном загорается свет, яркий, как дневной. Фары? Прожектор? Солнце? На пол передо мной падают резкие, чернильные тени. Они тянутся, резкие провода угрозы с улицы ко мне. Они вошли в мой дом и шарят сейчас в тени у подоконника, как раз там, где скорчился я!!!

Кричу.

Кричу, кричу! Ору, как параноик, вскакиваю, в спину мне бьет свет с улицы, и моя тень, короткая, кривая, пляшет посреди комнаты, издевается. Я разеваю рот, хватаюсь за портьеры, падаю, и краем любопытного взгляда успеваю зацепить немую сцену на улице.

Там то, чего я боюсь больше смерти.

Я множество раз видел эту картину во сне, но всегда забывал ее при пробуждении.

Они стоят в тесном молчании. Их сотня, может быть, две. Их черепа гладко выбриты, а рты тесно сжаты. Все они – черные. И кроме них больше никого нет!

1.

Касл-Рок меня не любит.

Каждый раз, когда судьба швыряет мне в морду этот городишко, он отвечает завидной оплеухой. Вот и теперь, паскудец встречает меня неприятностями.

Да, я выпил лишку. Скажем прямо, набрался желтеньким от пуза, залил баки, склеил zenки. Пускай, я больше не пишу, но избавиться от привычки мыслить штампами не сумел.

На самом въезде в город меня ждали мигалки дорожной полиции. Молоденький коп – такой мог быть моим внуком, правда, я надавал бы ему по ушам, если бы он не стал бриться и жевал эту мятную резинку – совсем еще сопляк, выписал мне штраф на твердой казенной бумажке и важно покрутил перед носом своим значком. Мне нестерпимо захотелось сказать ему какую-нибудь гадость, но тут у него запела рация, и я дал по газам.

Чертов руль провернулся в руках, как скользкая селедка, и я со вкусом, на полном скаку протаранил фонарный столб в трех метрах от полицейской машины.

Я – очень неудобный чувак. Я много пью и разговариваю матом. Во мне явно умер художник, вот только мне этого слюнтяя совсем не жаль. Долги свои я уже раздал, а новых стараюсь не заводить.

Поэтому сопляк со значком, что офонарело смотрит, как я вылезая из разбитой тачки, может пялиться сколько угодно, но...

– Чего вылупился, сука?! – и я, конечно же, загремел в участок.

2.

Тот, кто никогда не сидел за решеткой, не поймет, какой это кайф, попадать туда иногда. Ты знаешь, это не год, не месяц и даже, возможно, не десять суток. Это просто залет! Твой верный приятель – алкоголь бросит тебя следующим же утром, и вот ты уже очухался на нарах, в твои ботинки нассал какой-то бедолага, которого приволокли ночью, а вместо хороших часов на руке в нагрудном кармане лежит использованный презерватив.

Мозги склеило набекрень.

Я лежу на спине, голова откинута назад, и перед моими глазами только пол и далекие квадратики линолеума в общем коридоре. Сосед спит. Мне слышно его легкое черномазое дыхание с верхней койки. Во рту помойка, язык одеревенел и еле шевелится. Мысли ползут, как тараканы на запах еды – шустро, но вразной.

За прошедшие семь лет сидеть мне приходилось неоднократно. Воспоминания легче всего вытравливать кислотой. И лучше нет того лекарства, как хороший удар в морду или пьяная драка семеро против пятнадцати.

Мое тело – самый главный предатель. Сука славно поработала над ним! Ничто, даже героин не смогло убить во мне память о НЕЙ. Но я приобрел нечто новое. Злость. Нога отзывается на это слово деревянным стуком. Злость. Смешно.

Я больше не могу писать. Бумага. Белый цвет. Адская машина с клавишами букв и цифр. ЕЕ пыточные инструменты. Член в штанах, апатичный и вялый, сонно поднимает голову. ЕЕ лицо. Меня накрывает рвотной волной ужаса. ЕЕ лицо прыгает на меня, сжимает, давит, душит! Я хриплю. Женское лицо облипает голову, как полиэтиленовый пакет, а руки – кривые каракатицы! – сжимают, давят, душат каменный член...

Потом пол.

Каменный, надежный пол.

Утыкаюсь лбом и смеюсь.

Злость.

Если этим я заплатил за все, нужно жить. Хотя бы для того, чтобы издеваться над самим собой.

– Да ты, папаша, тот еще живчик, – парень с верхней койки смотрит на меня в упор. Я уже перевернулся на спину и тупо пялюсь в пустой потолок. Какая в

задницу злость? Я и пошевелиться-то сейчас могу едва, но на песье ворчание меня хватает:

– Соси обмылок, сраный урод!

Да, друзей в моем возрасте и с моим характером находить становится все труднее, но сопляк и не думает затыкаться.

– Да ты я погляжу силен, старый пердун! – на руках у парня черные перчатки, и меня почему-то это очень тревожит. Так сильно, что я даже приподнимаюсь на локтях и пытаюсь что-то рассмотреть на его гладком шоколадном лице.

– Протез, – понимающе скалится парень и машет правой рукой. – Честная деревянная лапа.

Меня бьет медленный ледяной ток. Как будто в тело врубают острые электрические сосульки. От ноги вверх по лодыжке ползет вкрадчивая змея воспоминаний. Она соленая, как кровь и такая же густая. Наконец, страх утыкается в отрубленный палец, и наваждение убирается прочь.

– Хочешь посмотреть? – проклятый ниггер решил меня окончательно добить и уже стягивает со своего гребаного протеза перчатку.

ОНА!

Дыхание перехватывает. Упираюсь лопатками в решетку и начинаю дико орать, стучусь, ломлюсь, что есть сил, пока на вопли не прибегают копы.

– Какого хрена, мать вашу?!

Вместо слов во рту копошатся черви, а черномазый поганец отвернулся к стенке и делает вид, что спит!

– Чего орешь, пьянь?! – все отделение уже в курсе, за что меня загребли. Признаться, я бы себе не поверил, случись мне проходить мимо: грязный, воняющий перегаром старик в мятой одежде с мокрым пятном между ног, которому что-то почудилось.

– Слушай, – копу за тридцать, таких, как я, он видит каждую неделю, и быть со мной сколопендрой ему неохота, – ляг на койку и просппись, как следует, а завтра мы с тобой поговорим. Лады?

Вместо койки сажусь на унитаз и закрываю глаза.

Протез.

Ублюдок не мог найти ничего лучше, как показать мне протез. От всей этой покалеченной швали меня с души воротить. Тем более что сам я – один из них...

– Эй, чувак, – шепот негра похож на звук работающей дрели, он винтом входит мне в голову, – извини! Не хотел тебя так подбросить.

– Дерьмо.

– Ты под ширевом, что ли? Колеса? Травка?

– Я бухой, – сквозь первые приступы смеха говорю я, – и у меня нет ступни!

Минуту в камере стоит тишина, будто комар повесился, потом мы начинаем ржать. Соленый икающий смех! Парень спускает ноги сверху и прыгает на пол. Он невысокий, чуть выше моего плеча, гладкие черные волосы, никаких негритянских кудряшек, светлая рубаша, джинсы. Под глазом у него яркий, вызывающий уважение, фингал.

– Прикинь, – рассказывает он мне, как старому приятелю. Мы сидим на моей койке и треплемся, – иду я вчера от подружки – тупая эта Мэнни, как бревно, но сиськи! – один раз заценишь и до конца жизни будешь дрочить только на эту телку. Так вот, иду я от Мэнни и решил срезать через парк. Слышу, в кустах кто-то плачет. Не человек, будто собака скулит. Я – туда. А эти малолетние гандоны нашли щенка – вот такого, как мой локоть – и лупят его палками. Один уже притащил лопату и копает щенку могилу. А двое других пыхтят, стараются. Суки! Как дам одному под жопу, он в кусты и улетел. Тот, что с лопатой, сразу в темноту нарезал, я третьего за ухо – цоп! – и к папаше, а этот пидор штопаный мне в ухо! Ты, негрила помойная, орет, моего сыночку обидел. Ну, я ему и врезал! И он мне!!! Короче, дура беложопая, его жена, все знают, как ее дерет пожарник, когда муж укатывает на работу, вызвала копов, а те-то уж меня знают...

Моего сокамерника зовут Люпус. Хрен разберет, настоящее это имя, или он сам его себе придумал, но по всему видать, что парень он стоящий.

– Ты, часом, не черный? – в голосе Люпуса только искренне внимание и никакой издевки.

– Ослеп, что ли?

– Ну, а бабка там, старичье какое-нибудь?

– Иди ты в пень! Не было у меня черных в роду.

– Жаль, – Люпус чешет заросшую щетиной шею, – жаль, жаль...

– А ты, часом, не педик?

– Боишься за свою сморщенную гузку? – и мы опять ржем. Приятно не думать о страхе. Черт возьми, я опять вернулся в Касл-Рок! Может, быть в этот раз?

– Слушай, – Люпусу явно не сидится на месте, – тебе когда-нибудь гадали?

– Ой, давай только без этой херни!

– Пстой-пстой, сейчас, – он снял-таки перчатку с правой ладони. Его протез черный, не гнется, и вместо ногтей на пальцах сверкают кусочки перламутра. Да он пижон, этот Люпус!

Иду отлить, но, даже находясь к нему спиной, я помню, как выглядит эта искусственная рука, и мне кажется, что парень хвастается, выставляет ее напоказ. Если так, ему удалось сделать то, о чем я неоднократно мечтал: превратить свою слабость в силу. Выкинуть страх за скобки и сгноить его там.

– Ты, часом, не вудуист? – я сам умею играть в такие игры.

– Тсссссс! – напрягается Люпус. – Тише! Не надо таких острых слов. Я просто могу предсказать твое будущее.

Будущее трупа?

– Ты приехал в Касл-Рок не первый раз.

Седьмой, если быть абсолютно точным.

– Здесь у тебя зарубка на сердце.

Ну да, а еще дом на окраине и участок на кладбище, который ждет – не дождется бывшего писателя, изуродованного чокнутой медсестрой.

– Тебя ищет смерть!

Как оригинально. Он закатывает глаза и ищет драматического подтверждения своих слов на моем лице. Хрен! Это я ищу ее.

– Ты сбежишь из тюрьмы.

О, это новость. Такого не стояло в моих планах на жизнь.

– Мы уйдем отсюда вместе. Сегодня. Сейчас.

Да ты псих, малыш Люпус. Посмотрим, как тебе удастся перегрызть решетки. Или мы превратимся в голубей и честно улетим на крыльях?

– Тебя преследует женщина, и ты бежишь от нее.

Кто-то выключил дыхание.

– У нее белое лицо, и с топора капает кровь.

Пожалуйста, пристегните ваши ремни, по дороге в Ад очень резкие повороты.

– Но она мертва, и топор ждет своего часа.

Я кидаюсь на него молча, согнувшись, бью плечом под дых, швыряю об пол. Он меньше меня почти в два раза, но проворней и шустрее. Он задыхается, тычет мне в пасть своей жесткой деревянной рукой. Локоть вспыхивает перед глазами и очень больно бьет в висок. Коленом в пах. Мы раскрываемся, как две створки раковины моллюска, и валяемся на полу, не в силах пошевелиться.

– Пыль, – Люпус скрипит что-то на тараканьем языке. Поднимаю голову и смотрю, куда указывает его взгляд. Пол в общем коридоре очень грязный. Комья пыли лениво переползают от одной камеры к другой, несомые сквозняком. – Уборка...

Мы успеваем заползти на свои кровати, когда в коридоре, где-то далеко слева начинают брэнчать ведрами.

– Скоро здесь вымоют пол, – голос к негру уже почти вернулся, но меня все еще колотит от его предсказаний, – а с сержантом Биггинсом вот-вот приключится понос. Видишь жидкое мыло рядом с толчком?

На стене камеры и впрямь висит металлический ящик с контейнером для жидкого мыла. Чем оно безопасней для заключенных, по сравнению с обычным, я понятия не имею.

– Когда Лиза вымоет пол, набери в ладони как можно больше мыла и выплесни его перед камерой.

– Какого хрена ты тут командуешь?!

– Молчи!

Лиза – крупная баба в сером халате не обращает на нас никакого внимания. Она быстро и сноровисто делает свое мокрое дело и сваливает. Люпус возбужденно шипит сверху:

– Давай!

– Да пошел ты!

– Тебе все равно не избежать будущего!!!

– Тогда сделай все сам.

– Не могу, у меня же всего одна рука!

– Тогда... уговори меня.

– Хорошо. – Голос наверху гаснет.

Минута тянет за собой другую. Тишина меня нервирует. Я отрываю задницу от койки и встаю во весь рост. Люпус сидит под самым потолком. Он отстегнул протез и баюкает его левой рукой, будто собираясь с мыслями. Его взгляд похож на два стержня, торчащие из глаз, он вставляет их в мои зрачки и не дает мне отвернуться.

– Он уже идет, – слова, как капли разбиваются об пол.

Стержни вылетают из моих глаз, и я неуклюже, спотыкаясь, бегу к настенному шкафчику с мылом. Квадратная кнопка. Длинные желтые сопли в моей ладони. И стук шагов где-то далеко, на самой границе сознания. Еще, еще, еще! В одной ладони мыла помещается очень мало, я давлю на кнопку носом. Очень комично! Злость щиплет меня за бороду. Струйки мыла уже переливаются через чашку ладоней.

– Пора, – Люпус взведен, как капкан. – Давай, давай, давай.

Руки проходят сквозь решетку, и роняют кляксу мыла у самой камеры.

– Разотри, разотри! – шепот Люпуса – шаги уже совсем близко, за той дверью или за поворотом, может быть, это кровь стучит у меня в голове, а не сержант Биггинс торопится прижать задницу к унитазу?

Длины моей руки едва хватает, чтобы размазать мыло до середины коридора. План кажется мне чудовищно нелепым, я даже подхохатываю украдкой, но это истерика, всего лишь рваные нервы.

Биггинс проходит мимо, как на параде.

– Сука! – растеряно кивает Люпус.

Ржу уже откровенно и в лицо.

Меня отпустило. Страх больше нет. Этот мелкий ниггер не может ничего знать про мою судьбу. Где-то в груди ноет разочарование. Но радость от того, что НИЧЕГО не случилось, все-таки больше.

3.

Ветер воет, как иногда поют смертельно раненые водосточные трубы.

Осень ужасна. Ночами она темна и режет кожу тонкими лезвиями холодного ветра, листья, мокрая коричневая каша липнет к подошвам, а в глубине сердца есть лишь один верный ответ на любую напасть – пять раз по сто, а затем под стол.

Люпус откровенно любит мою растерянность.

Биггинс, этот толстый увалень, поскользнулся и со всего маху рухнул на задницу, когда возвращался из сортира. Его башка, как чан с помоями, тюкнулась об пол, и пока он валялся в отключке, Люпус снял с его пояса связку ключей и открыл двери.

Затем вдвоем мы затащили толстяка в камеру и заперли в ней.

У выхода сидели двое копов, остальные тянули лямку на дежурстве. Поэтому мы вернулись в общий сортир и вылезли на задний двор через окно.

Паршивец меня не надул!

И теперь, идя за черномазым прохиндеем, я не могу понять лишь одного – верить мне ему до упора или все-таки пытаться продавить его правду своей.

А что у меня за правда?

Две пригоршни воспоминаний, пахнущих кровью?

Семь лет, потраченных на поиски любви и света среди выпивки и шлюх?

Или седьмой раз в Касл-Роке, городе, где я решил найти свою смерть?

– Я отведу тебя к первому знаку, – рожа Люпуса полна темного восторга, какой приносит только обладание чужой человеческой душой. Моя душа в его власти. И он полностью наслаждается этим господством.

4.

Его решили линчевать.

Я даже не поверил своим глазам. Как-никак XX век, пускай, все здесь пропитано недобрыми традициями классического Юга. Один из мужчин уже закрепил на суку добрую веревку. Петля отсюда казалась пустым ободом для воздушного шарика.

Парнишке было лет семнадцать. Его распухшая физиономия красноречиво говорила, что эти трое дюжих молодцов поймали его за каким-то неподходящим делом.

– Дочь мою?! – кричал доносчик-ветер срывающимся, высоким голосом. – Дочь?!!

Парнишка вряд ли мог защититься словами. Я дернулся было туда, но Люпус вцепился мне в плечо здоровой левой рукой и забрызгал слюной на ухо:

– Стой, идиот! Знак! Знак!

Он еще что-то выплевывал мне в уши, картинка перед глазами дробилась и чахла. Ей тоже было неуютно этой осенней ночью. Наверняка, у нее замерзли ноги, и отчаянно чесалась спина.

– Он виноват САМ, – криком шептал Люпус. – Он же видел, знал, знал...
– Какого хрена?! – сдается, эта фраза стала моей любимой за последние сутки.

Они вздернули его, и несколько раз ударили по животу, выбивая остатки воздуха из теплого еще, мальчишечьего тела. Агония скрутила его, мальчишка силился порвать законы тяготения и своей судьбы. Судьбы.

– Тихо! Тихо! – Люпус повалил меня наземь и несколько раз сильно ударил по шее своим костлявым протезом.

Наконец, белые ушли.

Когда мы вынимали подростка из его последней колыбели, меня преследовала одна только мысль. ТОПОР. Почему топор всегда был у НЕЕ? Ведь я мог спасти... Любого. Этого несчастного ребенка. Других. Себя!

Люпус поспешно, как-то по-бабски схватил тело за ноги и поволок за собой в кусты.

– НЕТ! – в голос заорал он на меня, когда я протянул руки, чтобы ему помочь.

В кустах он отпилил у парнишки палец.

– Свеженький? Свеженький, – с тонкого, почти ювелирного мизинца подростка капала еще теплая кровь. Люпус пользовался садовым секатором, и неожиданная боль рубанула меня по животу и тут же хлынула горькой, пустой желчью на сухую траву.

– Иди блевать в другое место, ублюдок! – в глазах Люпуса билась такая ярость и презрение, что я поспешил обратиться в сторону.

Стряхнув с одежды мокрые кусочки рвоты, я почувствовал, как где-то внизу, будто подпитанный видом крови и страдания, вновь зашевелился мой поганый половой отросток.

Ну, нет, сука! Только не сейчас.

И тут, по ушам мне, настороженным и чутким, вместе с очередным порывом ветра ударил плач. Я забыл даже о своем члене, и когда ноги донесли меня до Люпуса, тот затыкал рот ревущему мальчишке.

Губы его были еще синие, а на руке не хватало пальца.
Но бедолага был жив.

5.

Рассвет застал меня дома.

Так много я не пил с тех самых дней, когда ОНА еще приходила ко мне в каждом сне.

– С мальчишкой я разберусь сам, – тон Люпуса был похож на расплавленное олово, блеснуть-то блестит, вот только сунь руку и мигом поймешь, в чем подвох.

Дома царило кладбище пыли.

Я пил и рисовал каббалистические знаки на подоконниках, пил и сдувал легионы пылевых королей с книжных полок, пил и гонял пыль по стадиону бильярдного стола, пил и падал головой в пыль на диване в столовой.

Вообще-то домишко уже лет десять, как отдан под снос. Стены здесь – плюнешь – и развалятся. Хозяин всерьез посоветовал мне никогда не прислоняться к ним. Когда я покупал особняк, мне нравилось, что я могу уснуть в нем, а на утро соседи найдут шикарный склеп, погребший под собой пьянчугу и графомана.

Однако прелестей у этих хором с привидениями не так уж мало: два этажа, восемь спален, бак с питьевой водой у задней стены, большая печь в подвале. Вот только жить тут нельзя, со скуки подохнешь.

Уснуть мне удалось только в обед, когда я наконец-то поверил, что днем в мой сон не заглянут никакие гости. Мне приснилось, что на мой день рождения – золотые восемь лет! – ко мне пришли все мои друзья, бабушка, которую задавило трамваем, и даже собака Джек. Все пьют шипучку, кусают мармеладных зайцев, и подарки! Какие чудесные мне принесли подарки.

Только все, кто пришел меня поздравить, НЕГРЫ! Даже собака Джек.

Я откупорил бутылки глаз и заорал от неожиданности. Сон, как нужная карта, перешел в руку Люпуса.

– Доброй ночи! – сегодня на нем была красная "Адидасовская" крутка и высокие ковбойские сапоги.

– Матерь Божья!

– Только не говори мне, что ты набожен.

Станешь набожным, когда демоны преследуют тебя всю жизнь.

– Я нашел тебе дело по плечу, – он закинул ноги на журнальный столик, чем вызвал небольшую бурю в пылевой пустыне.

– А по душе ли?

– Будем выбирать? – эта тонкая улыбка не сулила мне ничего хорошего. Побег, повешенный парнишка и его кровавое воскрешение – я видел слишком много!

– А если?

– Ты же мне веришь? – он протянул руку к моему плечу, наверное, желая дружески похлопать. Правую руку. Споткнулся о мой взгляд и не стал этого делать.

– Тогда... расскажи.

– Смерть близко. Буквально за углом. У нее черное лицо.

Так я и думал.

С того самого момента, как сержант Биггинс поскользнулся на моем мыле, я был уверен, что адов прихвостень Люпус сведет меня в могилу, и после всего, что я увидел, понял и почувствовал, я вдруг стремительно полюбил жизнь и растерял даже мельчайшие крохи того желания конца, что привело меня в Касл-Рок в седьмой раз.

– Но прежде чем стать поперек ее дороги, ты должен помочь ей.

– Помочь кому?

– У тебя много чернорожих знакомых?

– Продолжай, – это было похоже на прием на работу или спор с издателем насчет гонорара. Предсказания закончились, начался банальный земной торг.

– В Касл-Роке всегда жило очень мало чернокожих. Нас здесь не любили.

Не могу винить их за это.

– Но мы ЗДЕСЬ всегда умели видеть будущее. Не просто так, не даром. Ты уверен, что в тебе нет черной крови?

Почему ты опять спрашиваешь об этом?

– Уверен, моя молочная кровь абсолютно чиста от ваших нефтяных примесей.

– Ах, как остроумно! Жаль, а я уж было подумал...

Что ты подумал, нечистая придонная тварь?!

– Все черные в округе знают мою руку...

– Хочешь, чтобы я носил ее у себя под сердцем?

– Нет, у тебя более глубокая и серьезная роль.

6.

Ребенку было едва ли больше пяти, я даже не понял, мальчик это или девочка, так быстро он подскочил ко мне и сунул в руку мятую, слипшуюся бумажку.

Таскаться по делам Люпуса оказалось грязной и никчемной работенкой. На меня мало, кто обращал внимания. Какая разница, зачем старый хрыч приехал на закрытую обувную фабрику и привез трем ниггерам, что подрабатывают там сторожами, длинный сверток, в котором очень вряд ли могут лежать гладкоствольные охотничьи ружья? Или зачем такому белому пердуну, как я, покупать новый лодочный мотор и отдавать его опять же ниггерами, которые, наверняка, никогда не слышали такого слова, как марихуана и сроду не возили ее в соседний штат?

Люпус показал себя опытным пауком. Ловчая сеть его замыслов опутала не только провинциальный Касл-Рок, но отдельные ниточки тянулись даже куда-то в сторону Портленда, что на побережье.

Бумажка прилипла к потной ладони и наотрез отказывалась разворачиваться.

В конце концов, я так разнервничался, что решил было выкинуть ее к чертям, но вспомнил, что кожа у ребенка была явственно кремового цвета.

Если эта сука опять недовольна мной, ему придется убить меня прямо сейчас. С того дня, как Люпус сделал меня рабом страха и заставил заниматься своими плесневыми делишками, он ни разу не показывал носа в моей берлоге, оставляя в почтовом ящике краткие указания, куда мне нужно пойти и кому в очередной раз подлизать черный зад.

В записке стоял один только адрес. До сих пор мне не доводилось еще бывать в этом районе. Покрепче перетянув пояс брюк, я сделал еще один шаг навстречу смерти.

7.

От старика ужасно воняло.

Несло не то тухлятиной, не то гниющими яйцами.

Когда он открывал рот, чтобы подышать, меня накрывало облаком его умирающего нутра.

– Я омерзительен, не правда ли?

Помимо всего прочего, вел себя этот сморщенный чернокожий засранец так, будто вырос в семье английского лорда и имел позади тридцать колен отточенного, как шпага, генеалогического древа.

- Ты просто не любишь негров.
- Шутите? Да я вас даже расцеловать готов. Всех. И каждого.
- Люпус ушел со струны.
- Мне нет дела до ваших музыкальных метафор. Зачем звали?
- Мне тесно, – костлявый краб его руки слабо поскребся о морщинистую шею. – Люпус ворует мой воздух.
- А ну тогда прощайте, я занимаюсь сугубо материальными вещами, может, винтовочку хотите или пару новых колес для джипа?
- Он сказал, почему выбрал именно тебя?

Стоп!

Отмотаем пленку назад и попытаемся найти там нужные ответы.

Кресло, в котором сидел трухлявый маразматик, пришло в движение и выехало на центр комнаты.

- Ты похож на нас, – я не мог не смотреть на обрубки его ног, аппетитно закутанные выше колен дорогим пледом.

Так вот в чем загвоздка! В моем протезе и отсутствующем пальце!

- Он не умеет предсказывать будущее.

Шестеренки заклинило неожиданным волосом. Картина мира, четкая, как нож у горла, утратила резкость и поплыла.

- Но любой негр, убитый в Касл-Роке, у которого ПОСЛЕ смерти отсекли часть тела, оживает и умеет читать мысли.

Механизм перемолол случайное препятствие и застучал металлическими частями, надеясь нагнать упущенное. По моим остекленевшим глазам прошла муха. Я этого не заметил.

- А как же?
- Биллинг? Люпус просто прочел его мысли. Он мог и не поскользнуться.

Часы бьют над собором. Провожают в последний путь.

- Убери Люпуса! – неслось мне в спину. – Здесь тесно двум пророкам!

8.

Под подоконником стало сыро. Я все-таки не удержался и напрудил в штаны.

Чего они ждут? Почему Люпус не отдает приказа порвать меня на куски?

– Чего ты медлишь, сука?! – получается визгливо и скучно. Они слитно дышат, как рой насекомых, жадно пьют мои мысли и ведают каждый мой шаг.

Смерть.

За ней я пришел в Касл-Рок седьмой раз, и я ее боюсь!

– Рожи черномазые, – давлю с ненавистью, будто надеясь выжать сок из этих слов, – даже убить меня попросту не могут.

Попросту – самое верное слово. Он маринует меня в ужасе, он разлагает меня изнутри страхом. Или... может быть... он НЕ хочет моей смерти?

Люпус, Люпус, ты же слышишь мои мысли, я же был твоим верным слугой! Нууууууу?!

9.

От старика я бросился на станцию. Автобус должен был отойти минут через пятнадцать. Неважно куда. Обещаю, Господи, я забуду эту блажь с Касл-Роком навеки!

В кармане плескалась какая-то мелочь. Достал ворох денежных бумажек, две двадцатки, десятка и куча брехливых никелей.

В кассе сидел негр.

Мы сшиблись взглядами, и его весил почище бейсбольной биты.

Тогда я рванул... в полицию.

Признаться, решимости во мне, как сахара в пустыне Сахара, но уж тут я сказал: "Надо! Сдамся!" – тем более что меня навряд ли забыли после той дорожной аварии.

Они выходили из дворов, читали газеты на бульваре, вели истошно орущих ребятишек в школу или из нее, поливали газоны, клеили афиши. Черные, как адовы ангелы, сучьи прислужники Люпуса. И каждый поднимал на меня глаза, будто говоря: "Мы слышим тебя!"

10.

Треск половиц похож на выстрел.
Они уже где-то в доме!

Дыхание не задерживается в легких ни на секунду, похоже, воздух не хочет умирать вместе со мной и бежит наружу.

На кухню! – мечется в голове. – Выпрыгнуть в окно?

Стекло надо мной разлетается вдребезги, и по половицам скачет, кутаясь в пыль, здоровенный обломок кирпича.

По коридору прямо! – я бегу и повторяю про себя. – НЕ ДУМАЙ! НЕ ДУМАЙ! НЕ ДУМАЙ!

Дверь справа слетает с петель, кто-то рушится, падает, орет и хватается меня за ногу!!!

НЕТ! – паника пробила во мне дыры и хлещет наружу через них. Ублюдок роняет меня на пол. Он очень силен. Я слышу, как они бегут со всех сторон. Шипит жесть на подоконниках, кто-то хрустит черепицей на крыше – вскрик – шум, он упал вниз. Кряхтит, рассыпаясь штукатурка, стены шатаются, половицы плачут.

Я выдергиваю ногу из ботинка – протез остается в чужой руке!
Ползу.

Вверх по лестнице?
Нет!

В подвал?
Пол вспучивается от удара снизу.
В ПОДВАЛЕ КТО-ТО ЕСТЬ!

Кубарем слетает человек со второго этажа. Я ползу. Ползу, ползу! Кто-то спотыкается об меня и я, рукой наколовшись о рваный кусок дерева, втыкаю в него эту щепу!

КРОВЬ!!!
По руке моей, исцарапанной, наштигованной занозами хлещет кровь!
В шею.
Я воткнул ему прямо в шею.

Тот, сзади, что схватил меня за ногу, носорогом протискивается под рухнувшей дверью.

Подымаюсь.
Рукой за стену!

Он швыряет мне протезом прямо в затылок.
Ослепительная вспышка.
Немеют руки.

Меня хватает сразу несколько рук.
В стенах – зияющие пробоины, через которые негры тянут меня в разные стороны.

Один из них выпал в коридор.
Бьет меня!
Боль!!!

Повисаю на нем и тут же – без мига промедленья – впиваюсь в шею!

Получи!
СУКА!!!
СУКА!!! СУКА!!!

Мне на ум приходит ОНА!
Кто-то бьет меня коленом в пах.

Мы падаем оба, он поверх меня.
И на нас обрушивается кусок стены...

11.

В подвале капает вода.

Тот ниггер, что ломал пол отсюда наверх, валяется с проломленным черепом, его приятель, которого накрыло стеной, как бутерброд куском хлеба, чуть не проткнул меня своими сломанными ребрами.

Со мной беда.
Протез остался где-то наверху.
Невыносимо болит затылок – там кровавая вмятина с доллар размером.
Неважно, как я до сих пор дышу.

Этот использованный гандон Люпус все еще снаружи, потому что он – я уверен – лакомится сейчас моими последними мыслями.

Подвал похож на проломленный череп динозавра. Выйти из него – невозможный подвиг. Если я проползу под всеми рухнувшими стенами и не вызову нового обвала, снаружи меня сожрут чертовы ниггеры.

В любом случае, что бы я ни придумал, ОНИ все слышат.

Снаружи становится светлее.
Рассвет?

Дудки!

– Ты так боишься меня, Люпус?! – гордость в данном случае – глупейшее чувство, но я горд, что он не может убить меня своими руками. Поганцы подпалили дом, и у меня нет ни одного шанса пережить пожар в подвале.

Но я не могу так.
Я не корова, чтобы послушно идти на убой.

Печь?
Большой, металлический бак с квадратной дверцей.
Вы как предпочитаете писателей, подрумяненных, с кровью или с аппетитной корочкой? Испекусь заживо!

Все-таки лезьте ужом через дверь?
Через дыру в полу?

Через?

Где-то снаружи мечутся десятки лоснящихся черных рыл. Они, как гончие, только чувствуют запах моей мысли. Все учли.

Все?

ВСЕ!
Конец.

Дым уже заползает в мою пещеру, скалится, пока еще беззлобно.

Сдохну.
Ну, нет!

Я расшвыриваю мусор всем телом, руками, помогаю себе ногой.

Топор.

12.

Он стоял на выезде из города, в свежей голубой сорочке и красивых остроносых ботинках. Ни единая черточка в нем не указывала, что он провел бессонную ночь, карауля меня у догорающего дома.

– Неплохо выглядишь, – промурлыкал Люпус, почесывая нос.

– Стараюсь, – усталость – младшая сестра смерти, зверски намучилась вместе со мной.

На мне был чужой плащ до пола, пожалуй, все-таки женский. Левый карман пятнали тяжелые бурые пятна крови. Вся правая сторона моего лица – я честно старался отмыть ее стиральным порошком, который спер в пять утра у какой-то забывчивой хозяйки – была смоляной. Наконец-то я хотя бы наполовину стал негром! Я специально повернулся к Люпусу своим правым профилем, чтобы тот полюбовался.

– Я же говорил, в тебе есть наша кровь!

– Говорил.

– Мне интересно только одно. Ответь, и я тебя отпущу. Честно! Клянусь.

– Ну.

– Как ты выбрался из подвала? Я же отчетливо слышал крик твоей смерти. Агонию! Ее ни с чем невозможно перепутать.

– Я нашел топор...

13.

Огонь снаружи разгорался все сильнее, и я чувствовал, как во мне закипает кровь, в самом, что ни на есть буквальном смысле слова.

Бежать!!!

Мысль в голове билась тоже одна.

Теперь я уже могу рассуждать здраво, но тогда...

Лезвие топора было искушающе холодно.

Упасть на него горлом – минута страданий – и вечность...

Рядом с НЕЙ?!

Даже сейчас я почувствовал волну похоти и брезгливости, которая скрутила меня.

Хватит!

Топор.

Выход.
Топор.
Выход.

Я посмотрел на свою руку, изуродованную и смешную – мысль не успела проскочить искрой между запалом и взрывчаткой – и резко, без сомнений, одним ударом укоротил и без того несчастную плоть.

14.

– Я отрубил себя три пальца, и боль позволила мне не думать! – мне нравилось видеть, как меняется в лице этот мессия с ногтями из перламутра. – Боль была такой красивой и долгой, что я забыл свое имя, не говоря уже о прочих словах.

– Но пожар?

– Задняя стена дома – тоже очень ветхая, как и все остальные, примыкает к баку с питьевой водой, мне понадобилось два удара, чтобы пробиться до него и еще три, чтобы вскрыть его, как жестянку с консервами.

И все это время ты не думал! – во взгляде Люпуса читались зависть и... страх.

– Ответь и ты мне, будь ласков. Кто отрезал тебе руку, когда ты умер? Или это произошло случайно?

– Меня придавило деревом, в детстве. Мы с отцом валили лес. Он уже понял, что со мной все, кранты, но продолжал пытаться выцарапать меня оттуда. Бензопилой случайно отсекло мне кисть, и я очнулся.

– Прощай, Люпус, – меня трясло, фантомная боль в отрубленных пальцах жаловалась очень громко, и я боялся, что силы мои кончатся, и я завою, падая на колени прямо перед ним.

– Иди, малыш, ты все-таки черный. – Люпус покровительственно улыбнулся и протянул левую руку, чтобы похлопать меня по плечу. – В душе.

И я ударил его топором в первый раз.

Если у тебя нет навыка, отрубить человеку конечность с одного удара вряд ли получится, особенно, если ночью ты отрубил себе три пальца, пусть и на другой руке.

Он завизжал, как кролик, которого вербуют в рагу. И я ударил его второй раз. В ключицу.

Люпус сломался, как дерево и червем сполз к моим ногам. К полтора моим ногам.

Напоследок я пробил ему висок.

15.

– Тебя преследует женщина, и ты бежишь от нее.

Я напевал это на мотив тех песен, что черные любят петь в своих дурацких церквях.

– У нее белое лицо, и с топора капает кровь.

Госпел, вроде это так называется?

– Но она мертва, и топор ждет своего часа.

Вот с этим я склонен был согласиться.

Пятна крови на плаще стали совсем уж неприличными, поэтому я выкинул его к дьяволу прямо там же, на обочине. У обломков Люпусова тела.

Разум гнал меня прочь от этого дрянного городишки, но у меня осталось еще одно незавершенное дело в Касл-Роке.

Как ты сказал, вонючий старикашка, здесь тесно для двух пророков?
По-моему, и для одного не осталось больше места.